

наших пользователей. В проекте «Два века петербургской семьи» это экскурсионные сюжеты для младших школьников: что такое родословная и как можно изучать историю своей семьи, как росли и учились дети в разные времена, история спасения детей в годы Гражданской войны и др. Старшеклассникам и студентам мы имели возможность показать, как отражается история страны в истории семьи. Общий сюжет для всех категорий — как важно и полезно изучать историю собственной семьи, с чего начинать, как обобщать и анализировать материалы, отбирать, проверять информацию и т.д. Специальные дни были посвящены музыкальным и морским темам, японским страницам истории семьи, истории спасения детей.

В январе 2014 года библиотека представила серию графических работ — детские впечатления о войне и блокаде художника и архитектора Виктора Николаевича Цыцина. Он задумал выполнить её в технике линогравюры, но не успел, ранняя смерть в 1976 году превратила задуманное.

Остались 12 эскизов, которые он нарисовал в конце жизни. Они автобиографичны, это детские воспоминания блокадного мальчишки. Сила их воздействия на зрителя невероятная. Семья наших читателей Цыциных уже представляла блокадную тему в большом проекте «Дорога к блокадному храму». В нём, кроме Виктора Николаевича, были также представлены его сыновья — Сергей Викторович — известный архитектор (история проектирования Блокадного храма) и Никита Викторович — профессор Академии художеств (история создания монументального живописного полотна «Блокадный хлеб» — его дипломной работы). В дни 70-летия полного снятия блокады материалы семейного архива Цыциных соединились с уникальными документами семьи Удаловых, коллекционера В. Кустова, Детского музея открытки, личных собраний читателей и сотрудников библиотеки. Впервые семья Прониных — Терновых показала открытки, которые посылал с 1941 по 1944 год 12-летней дочери из осаждённого города и с действующего фронта в эвакуацию её отец — Г.И. Терновой.

Пример таких проектов вдохновляет петербуржцев. В планах библиотеки в апреле 2015 года выставка семьи Ушаковых — Акмен — 4 поколения творческих людей. Уверена, что нас ждут новые открытия.

Н.Ф.Золотухина

Идея единства мира в древнерусской литературе как этнокультурный архетип национального самосознания (по материалам исследований Д.С. Лихачева)

Изучение литературных памятников Древней Руси XI—XIII веков, начатое Д.С. Лихачевым как историко-филологическое исследование, по мере углубления автора в контекст эпохи обрело в итоге широкую культурологическую направленность.

Согласно концепции Д.С. Лихачева, древнерусская литература в комплексе своих памятников выстраивает образ единства мира — Земного и Небесного, на основе которого сформировалось впоследствии идеология национального единства и сознание исторической общности русского народа как органической части этого вселенского целого.

Д.С. Лихачев сравнивает создание комплекса литературных произведений Древней Руси со строительством средневекового собора, в возведении которого «принимали участие в течение нескольких веков тысячи вольных каменщиков... Его пышность противостоит бедности «земных жилищ» простых горожан. Его росписи отвлекают их от земных забот, напоминают о вечности. Он построен людьми, чтобы подняться над ними и чтобы возвысить их

одновременно»¹. В феномене целостности древнерусской литературы, на наш взгляд, содержится этнокультурный архетип национального самосознания, под которым, в данном контексте, мы понимаем некую этно-мифологическую структуру опыта жизни этноса, трансформированную посредством коллективного художественного творчества в новую целостность — этнокультурный архетип.

Этнокультурный архетип в современных исследованиях трактуется как «константа национальной духовности, выражающая и закрепляющая основополагающие свойства этноса как культурной целостности, существенным образом определяющая особенности мировоззрения, характера, художественного творчества, судьбы народа. В этнокультурных архетипах в сгущенном виде представлен коллективный опыт народа, собственно они есть результат превращения этнической истории в базовые модели этнического культурного опыта. Актуализация этнокультурного архетипа включает этот опыт в новый исторический контекст, усиление архетипического может быть проекцией в будущее, ибо этнокультурные архетипы выражают не только опыт прошлого, но и чаяние будущего, мечту народа. Активное присутствие архетипа является важным условием сохранения самобытности и целостности национальной культуры»². В русском этнокультурном архетипе присутствует «ориентация на потаенную святость, выраженную в образе «града Китежа, а также в первичных образованиях русской духовности, как «отзывчивость» или открытость»³.

На наш взгляд, результаты исследования Д.С. Лихачева памятников древнерусской литературы уникальны именно тем, что они открывают нам, каким образом пробуждались эти духовные качества в национальном самосознании русского народа.

Д.С. Лихачев неоднократно отмечал, что древнерусская литература обладает структурным единством, таким же, какое образует

¹ Лихачев Д.С. Своеобразие древнерусской литературы // Лихачев В.Д., Лихачев Д.С. Художественное наследие Древней Руси и современность. — Л.: Наука, 1971. — С.55.

² Этнокультурный архетип // Культурология: XX век : словарь. — СПб.: Университетская книга, 1997. — С. 54. См. также на сайте «Культурология». URL: www.countries.ru/library/terms/cultarh.htm (обращение 04.05.2014).

³ Там же.

обрядовый фольклор или исторический эпос. Но историческое и художественное измерения в формировании этого нового единства подчинялись христианской картине мира, Священной истории, не допускающих выделения какого-либо авторского начала.

Необходимость определения места русского народа в грандиозной картине мировой истории, по утверждению Д.С. Лихачева, возникает благодаря широкому распространению на всей территории Руси сочинений из соседней Болгарии, Сербии, Чехии, Моравии и других стран Европы. Жанровое разнообразие этой литературы послужило импульсом к пробуждению у русских книжников широких познавательных интересов, к осмыслению истории Руси в общем мировом развитии на основе целостной картины миропонимания.

Именно в этот период возникает новый вид литературы — летописание, синтезирующий в себе многие ее жанры. Сравнивая русские летописи с произведениями фольклора, Д.С. Лихачев приходит к выводу, что это тоже своего рода эпос, но сопоставимый по своим масштабам с историей всей вселенной, в которую должна быть вписана и найти свое место история Руси.

«История не сочиняется. Сочинение со средневековой точки зрения — ложь. Поэтому громадные русские произведения, излагающие всемирную историю, — это по преимуществу переводы с греческого: хроники или компиляции на основе переводных и оригинальных произведений. Произведения по русской истории пишутся вскоре после того, как события совершились, — очевидцами, по памяти или по свидетельству тех, кто видел описываемые события.

В дальнейшем новые произведения о событиях прошлого — это только комбинации, своды предшествующего материала, новые обработки старого. Таковы в основном русские летописи. Летописи это не только записи о том, что произошло в годовом порядке; в какой-то мере и своды тех произведений литературы, которые оказывались под рукой у летописца и содержали исторические сведения. В летописи вводились исторические повести, жития святых различные документы, послания. Произведения постоянно включались в циклы и своды произведений. И это включение не случайно. Каждое произведение воспринималось как часть чего-то большего. Для древнерусского читателя композиция целого была самым важным... Если вспомнить обширные рукописи, в состав которых все эти произведения входят, — все эти многотомные ве-

ликие четьи минеи, летописные своды, прологи, златоусты, измаграды, хронографы, отдельные четьи сборники, — то мы отчетливо представим себе то чувство величия мира, которое стремились выразить древнерусские книжники во всей своей литературе»⁴.

Проблеме самоопределения русского народа в мировой истории и культуре посвящается одно из самых значительных произведений летописного жанра — «Повесть временных лет», в которой формулируется комплекс вопросов, составивших впоследствии основу концепции исторической общности русского народа. Это и происхождение славянской письменности, и образование русского государства и др. Эта концепция расширяется и дополняется в появляющихся в это время других новых жанрах литературы. Так, «Слово о законе и благодати» — богословско-политическая речь митрополита Иллариона посвящена самостоятельности русской церкви; «Поучение» князя Владимира Мономаха — образец русской педагогической мысли, в котором нравственно-педагогические наставления своим сыновьям обращены и ко всем русским князьям; «Слово о полку Игореве» соединяет в себе черты ораторского жанра с фольклорными славами и плачами.

Перебивка в процессе создания произведений древнерусской литературы в единое целое разных жанров, единая смысловая направленность всех произведений — привели к созданию уникального ансамбля литературных памятников Древней Руси, где один автор дополняет другого, каждое произведение гармонично вписывается в общую композицию.

Как основа этнокультурного архетипа древнерусская литература обладает такими качествами как органическая целостность структуры, невыявленность авторского начала, стертость единым целым границ отдельных произведений.

Внесение в ткань литературы новых, отличных от мифологических, культурообразующих факторов (пространственно-временных, причинно-следственных, содержательно-смысловых) привело к формированию новой картины мира, в которой достигается структурное единство и подобие микро- и макрокосма.

Исторические события, спрессованные в условном «эпическом времени», развернулись в хронологической последовательности. Время преодолело замкнутость годового цикла, характерного для фоль-

⁴ Лихачев Д.С. Своеобразие древнерусской литературы. Указ. изд. — С. 58, 60.

клорных обрядов. Интенсивный культурный обмен литературными произведениями позволил преодолеть этническую замкнутость, раздвинуть горизонты географического пространства до вселенских масштабов. Глубина истории обрела свою национальную эстетическую ценность в создаваемых летописях и исторических повестях.

«История отдельного человека, пусть самого маленького, — это только часть истории мира; автору и читателю видится в ней судьба человека вообще. Вот почему в древней русской литературе так много огромных сочинений, объединяющих отдельные повествования в общее повествование о судьбе мира. Происходит как бы непрерывная циклизация. Даже записки тверского купца Афанасия Никитина о его «Хожении за три моря» после его смерти были отвезены в Москву дьяку Мамыреву и здесь включены в летопись, где находят себе место под годом их находки — 1475-м. Из сочинения географического записки эти становятся сочинением историческим — повестью о событиях путешествия в Индию. Такая судьба не редка для литературных произведений древней Руси — многие из рассказов со временем начинают восприниматься как исторические, как документы или повествования о русской истории: будь то проповедь игумена Выдубецкого монастыря Моисея, произнесенная им по поводу построения монастырской стены, или житие святого.

Произведения строились по «анфиладному принципу». Житие дополнялось с течением веков службами святому, описанием его посмертных чудес. Оно могло разрастаться дополнительными рассказами о святом. Несколько житий одного и того же святого могли быть соединены в новое единое произведение. Новыми сведениями могла дополняться летопись. Окончание летописи все время как бы отодвигалось, продолжаясь дополнительными записями о новых событиях (летопись росла вместе с историей). Отдельные годовые статьи летописи могли дополняться новыми сведениями из других летописей; в них могли включаться новые произведения. Так дополнялись также хронографы, исторические повествования. Разрастались сборники слов и поучений»⁵.

Структурообразующей древнерусской литературы выступают в своем единстве тема и сюжет. «Этот сюжет — мировая история, эта тема — смысл человеческой жизни»⁶. Вселенная и человек — всё

⁵ Лихачев Д.С. Своеобразие древнерусской литературы. Указ. изд. — С. 59

⁶ Там же. — С. 56

взаимосвязано и напоминает человеку о смысле существования и величии мира.

Так, в «Слове о полку Игореве» битва с половцами представлена как космическое явление. Пение славы «вьется» с Дуная через море до Киева. Плач Ярославны обращен к солнцу, ветру, Днепру. Чтобы показать значительность события, его ставили в ряд со славными событиями прошлого (дедов и отцов) или в контекст Священной истории.

Одной из главных задач в литературе было установление сокровенного смысла происходящих событий. Именно этому смыслу соответствует значение самого слова со - бытие, т.е. сопричастность со сверхреальным Бытием.

«Все совершаемое в мире имеет две стороны — битва с половцами, завоевание Константинополя турками, присоединение княжества к Москве — все имеет две стороны. Одна — это реальная причина произошедшего: ошибки, совершенные князьями, — если это поражение; личное мужество и сообразительность полководцев, храбрость воинов — если это победа. Другая сторона — это извечная борьба добра со злом»,⁷ это стремление Бога напомнить людям, что в умножении зла в этом мире они во многом виноваты сами — своим нежеланием следовать по пути, указанному Богом, несоблюдением заповедей Божьих; «это заступничество праведников, которые олицетворяли на земле силы добра, вознося к Богу молитвы о милости к заблудшим и павшим»⁸. Сквозь призму реальных событий в древнерусской литературе всегда просвечивалась сверхреальная причина — Промысел Божий, освещающая и освящающая все происходящее в реальном мире.

Сверхреальное измерение подразумевается и в ценностно-иерархической структуре литературных произведений этой эпохи, героями которой, как правило, были люди высокого социального положения: князья, иерархи церкви или люди, возвысившиеся духовно — святые, выдающиеся храбрецы. Как показывают исследования Д.С. Лихачева памятников древнерусской литературы, иерархическая подчиненность натуралистического земного видения Божественному, на которое способен настроится человек благодаря своей духовной природе, и является основанием понимания единства мира.

⁷ Лихачев Д.С. Своеобразие древнерусской литературы. Указ. изд. — С. 61

⁸ Там же. — С. 61

Давая общее определение стилю этой эпохи «монументальный историзм», Д.С. Лихачев выделяет в нем как основную характеристику — «церемониальность». «Историчность монументального стиля соединяются в нем со стремлением утвердить вечность. Вечность не противоречит движению. Это не неподвижность. Библейские события — историчны и вечны одновременно. Христианские праздники существуют в данный момент священной истории и одновременно существуют в вечности, они повторяются ежегодно, ибо праздники — это не только воспоминание о событии, но и его повторение. В отношении эстетическом это единство осуществляется через церемониальность. Средневековая церемониальность и этикетность — это попытка эстетически утвердить вечное значение происходящего и заявить о значительности события... Она требовала не столько изображения действительности, сколько ее эстетического оформления, подчинения жизненных явлений торжественным и идеализированным формам»⁹.

На наш взгляд, в данных характеристиках стиля эпохи Д.С. Лихачев раскрывает взаимосвязь идеального метафизического и конкретного исторического измерений единства в миропонимании их участников в образе, который обобщенно может быть представлен в виде средневекового театра, на сцене которого разыгрываются разные вариации священной истории. «Мировая история, изображаемая в средневековой литературе, велика и трагична. В центре ее находится жизнь Христа. Все, что совершалось в мире до его воплощения — лишь приуготовление к ней. Все, что произошло и происходит после, сопряжено с этой жизнью, так или иначе с ней соотносится. Трагедия личности Христа заполняет собой мир, она живет в каждом человеке»¹⁰. Режиссером этих мистерий является Бог, а не слепой рок. Таким образом, идея единства мира вытекает непосредственно из признания единого его Созидателя и Вседержителя. Способность человека, народа именно на основе этого сознания достойно исполнять свои роли в божественной мистерии, уподоблять, свою «малую жизнь» большой вечной, постоянно сверяясь с ней, — является смыслом и целью земного существования, в ко-

⁹ Лихачев Д.С. Прошлое — будущему: статьи и очерки. — Л.: Наука, 1985. — С. 291

¹⁰ Лихачев Д.С. Своеобразие древнерусской литературы. Указ. изд. — С. 57.

тором индивидуальное, национальное выражает в своей специфической форме этот смысл.

«Вселенная — книга, написанная перстом Божиим. Письменность расшифровала этот мир знаков. Ощущение значительности и величия мира лежало в основе литературы»¹¹.

Культурообразующей единства древнерусской литературы, которая наиболее рельефно задает архетипические признаки национального самосознания, является, на наш взгляд, ее динамическая составляющая. Так, по результатам исследования Д.С. Лихачева, динамическое единство древнерусской литературы характеризуется как свойство самовосстанавливающейся и самодорабатывающейся системы. «Единство было обязательным и потому любая ересь или любое классовое и сословное выступление требовало нового единства. Любая историческая перемена требовала пересмотра мировой истории часто от «потопа» или даже «от сотворения мира»¹².

Способность к самовосстановлению задает этнокультурному архетипу национального самосознания черты живой социо-природной системы с ее ритмами, то центробежными, то центростремительными, поддерживающими постоянное творческое созидательное напряжение. В его силовом поле вновь и вновь разворачивается драма необходимости восстановления национального единства во всех его культурных, смысловых и метафизических измерениях.

Существование сверхреального измерения как вневременного архетипического принципа понимания единства мира в процессе создания литературного произведения отметил в своих исследованиях и М.М. Бахтин: «Всякое высказывание всегда имеет адресата (разного характера, разных степеней близости, конкретности, осознанности и т. п.), ответное понимание которого автор речевого произведения ищет и предвосхищает. Это второй (... не в арифметическом смысле). Но кроме этого адресата («второго») автор высказывания с большей или меньшей осознанностью предполагает высшего нададресата (третьего), абсолютно справедливое ответное понимание которого предполагается либо в метафизической дали, либо в далеком историческом времени... В разные эпохи и при разном миропонимании этот нададресат и его идеально верное от-

¹¹ Лихачев Д.С. Своеобразие древнерусской литературы. Указ. изд. — С. 56.

¹² Там же.

ветное понимание принимают разные конкретные идеологические выражения (бог, абсолютная истина, суд беспристрастной человеческой совести, народ, суд истории, наука и т.п.). <...> Каждый диалог происходит как бы на фоне ответного понимания незримо присутствующего третьего, стоящего над всеми участниками диалога»¹³.

Если «поэт в России больше, чем поэт», то за этим крылатым выражением стоит величественный собор древнерусской литературы. Именно этот храм стал колыбелью русской классики XIX в., давшей миру таких гениев как А.С. Пушкин, Н.В. Гоголь, Н.С. Лесков, Л.Н. Толстой, Ф.М. Достоевский, А.П. Чехов, самим своим мировым признанием утверждающих духовное единство человечества. Блестящее воплощение идеи единства мира как архетипа национального самосознания дано в рассказе Н.С. Лескова «Однодум» в образе мыслей и деятельности его героя Рыжова: «Рыжов нимало не заботился, что о нем думают, он честно служил всем и особенно не угождал никому; в мыслях же своих отчитывался единому, в кого неизменно и крепко верил, именуя его учредителем и хозяином всего сущего. Удовольствие Рыжова состояло в исполнении своего долга, а высший духовный комфорт — философствование о высших вопросах мира духовного и об отражении законов того мира в явлениях и в судьбах людей и целых царств и народов»¹⁴.

¹³ Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. — М.: Искусство, 1979. — С. 305, 306.

¹⁴ Лесков Н.С. На краю света. — Л.: Лениздат, 1985. — С. 212.